

РУССКИЙ ПРЕДРОМАНТИЗМ И ГРАЖДАНСКИЕ РОМАНТИКИ

Эстетическое мировоззрение В. Кюхельбекера и представителей его круга получило в классическом литературоведении название гражданского романтизма.

Гражданский романтизм возник в недрах достаточно сложной многообразной литературной действительности первой четверти 19-го века. На Западе ему предшествовал так называемый предромантизм. В России предромантизм не оформился в самостоятельное, эстетически структурированное литературное направление, но ряд ученых (А. Архипова, Ю. Лотман) считают возможным говорить о наличии в литературном сознании эпохи устойчивых признаков предромантического мироощущения.

Родовыми и общепризнанными чертами русской классической литературы являются психологизм, историзм и народность. Все эти три качества ощутимы уже в творчестве русских писателей начала 19-го века. Психологизм развивается из сентименталистской культуры, историзм — из оправданного патриотического интереса к судьбам своего народа, народность — из интересам отечественному фольклору, а также из стремления объяснить феномен русского национального характера и по возможности прсветить народные массы. Впрочем, по мнению А. Архиповой, «Предромантизму свойственно движение, отсутствие канонов в индивидуальных и разнообразных проявлениях» (1, 14). Действительно, русский предромантизм не имел собственных идеологов и теоретиков. В культурной русской ситуации начала века он идентифицируется скорее как веяние, однако названное идейно-эстетическое триединство (историзм, психологизм и народность) отчетливо проявляется в творчестве писателей, объединившихся в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» (1801-1807) – А. Востокова, А. Мерзлякова, И. Пнина, К. Батюшкова, Н. Гнедича. Их произведениям свойственна связь с русским фольклором и древнерусской стариной, интерес к отечественной

истории, стремление к просвещению, что придавало им национально-самобытный облик.

Отличительными особенностями русского предромантизма являются: 1. Ориентация на европейские просветительские идеалы 18-го века. 2. Стремление к национальной самобытности литературы (интерес к отечественному фольклору, истории, традициям). 3. Создание цельной личности (3, 35-37). 4. Назидательно-нравоучительная тенденция.

Следует уточнить, что русскими предромантиками использовались скорее внешние атрибуты фольклорного творчества и древнерусской традиции (3, 36). Интересны общечеловеческие представления русских писателей-предромантиков. С одной стороны, они стремились доказать самостоятельность человека перед лицом высших сил, могущество его разума и воли, добродетельность чувств; Всё это, по их мнению, делает человека «богом» на земле и ответственным за всё, что на ней творится. С другой стороны, человек велик в своих возможностях, а на деле оказывается во власти социальных пороков и слабостей, которые сам же творит (творчество И. Пнина, А. Востокова). Существовали и другие тенденции в изображении человеческого характера. В частности, человеческая природа мыслилась или как исконно добрая, или как *4аЪи1а* газа — ни добрая, ни злая. Вывод в обоих случаях был один: «Следственно, злодеянии не суть природны человеку; следственно люди Зависят от обстоятельств, в коих они находятся» (7, 191). Таким образом, зло не присуще природе человека, оно порождается обществом. По наблюдению Ю. Лотмана, «Литературное изображение человека с этих позиций велось в двух планах: теоретическом, в котором человек предстал в свете его естественных влечений, и историческом, рисовавшем современное, изуродованное состояние его личности» (5, 293). Такое изображение природы человека было свойственно творчеству А. Радищева, который по сути выступил как первый русский диалектик в подходе к человеческой действительности и к природе человека. Оппонентами А. Радищева можно считать московские и "петербургские философские, кружки его времени (кружок А. М. Кутузова). Оппоненты доказывали непознаваемость внешнего мира и,

следовательно, невозможность его воздействия на формирование человеческого характера. Тезис о решающем влиянии окружающей среды на человека отвергался. Всякое стремление к общественным переменам считалось бесполезным, ему противопоставлялось требование внутреннего перерождения и самовоспитания человека. На первый план выдвигалась идея необходимости широкого просвещения членов общества, в том числе и низших слоев. Как отмечает Ю. Лотман, «В литературе эта система идей отразилась в художественном творчестве кружка А. М. Кутузова, а затем, на новом этапе — в творчестве Н. М. Карамзина» (5, 294). Таким образом, на первый план выдвигалась проблема человеческой личности. Склонная к добру или исконно злая, но в обоих случаях имелась в виду некая «вечная» природа человека.

И, наконец, последняя из наиболее распространенных идейных тенденций в литературе этого периода. Она основывалась в первую очередь на стремлении упрочить, а не разрушить существующий порядок. Теоретическим нормам «разумного» порядка противопоставлялось утверждение, что именно исторически сложившийся, уже существующий и освященный обычаями порядок, (есть единственно возможный. «Охранители 18-го века» (так называли сторонников этой тенденции) исходили из представления о том, что общественный порядок недвижим. Таким образом, в основе их мировоззрения стояла идея незыблемости социального status quo. Наиболее яркими представителями этой точки зрения были А. С. Шишков и его последователи.

Вышеуказанные идеологические тенденции в русской литературной и общественной жизни рубежа веков во многом определили дальнейшее развитие литературы в целом.

Необходимо отметить, что русский предромантизм имел приблизительные временные рамки. По наблюдению А. Архиповой, уже в 20-е годы 19-го века интенсивное развитие предромантических идеологических установок вылилось в новое литературное направление – романтизм. Таким образом, предромантизм по сути предвосхитил романтизм, наметив основную расстановку акцентов в вопросе

тем, сюжетов и образов, предопределил народность, историзм и психологизм как родовые особенности русской литературы в целом.

В литературно-критическом наследии В. Кюхельбекера и его единомышленников названные идейно-эстетические знаменатели также занимали важное место. Однако их истолкование носило своеобразный характер.

Как было отмечено, одной из особенностей русского предромантизма была ориентация на просветительские идеалы 18-го века. Речь шла о прославлении государственности, о распространении просвещения, о необходимости служения литературы общественному делу. Что касается русских гражданских романтиков, идея государственности перевоплотилась у них в идею гражданственности. Гражданственность и патриотизм были провозглашены ими основной задачей литературного творчества: литература должна способствовать воспитанию у читателя гражданских качеств и патриотического сознания; художественно-литературное произведение ценно постольку, поскольку оно отражает общественно-политическую жизнь своей эпохи. Такими же идеологизированными выглядели просветительские идеалы В. Кюхельбекера и единомышленников. Во главу угла они ставили не столько культурное или научное, сколько политическое просвещение масс. Показателен в этом отношении отрывок из «Законоположения «Союза Благоденствия»: «В разговорах об учебных предметах: 1. Превозносить полезное и изящное, показывать презрение к ничтожному и вооружаться против злонамеренного. 2. Показывать необходимость познаний для человека, всю низость невежества. 3. Объяснять потребность отечественной словесности...» (6,27).

Эпиграфом к культурным и идейно-эстетическим убеждениям литераторов кюхельбекеровского круга могли бы стать слова К. Ф. Рылеева: «Я не поэт, а гражданин» (8, 205).

Однако сам В. Кюхельбекер являлся более сложной фигурой в ряду своих сверстников. Он так же, как и они исповедовал высокий патриотизм и гражданскую активность в жизни своего государства. Тем не менее его литературно-критическое мировоззрение не является прямым отражением его гражданских позиций. В. Кюхельбекер — литературный критик и В. Кюхельбекер – общественный деятель –

не одно и то же лицо. Литературно-критические работы В. Кюхельбекера более свободны в определении целей литературы, ее возможностей и границ. По В. Кюхельбекеру, литературное творчество вообще не может регламентироваться какими-то ни было (политическими, идейными и пр.) ограничениями. Творческий процесс подчиняется собственным законам, а таковыми являются.— «Сила, свобода и вдохновение – необходимые три условия всякой поэзии» (4, 454). Литература, по Кюхельбекеру, также не может быть средством прямого политического воздействия. (Подробнее об этом см. п. 3)

Декабристские единомышленники В. Кюхельбекера считали по-иному. Они настаивали на необходимости создания дидактической литературы. Гражданственность и дидактизм они полагали основным смыслом литературного творчества. Что же касается В. Кюхельбекера, его творческие и литературно-критические позиции отличаются меньшим дидактизмом и назидательным пафосом. Этический идеал в его наследии присутствует, но в достаточно тонкой и ненавязчивой редакции: «Поучения всегда скучны и неприятны: особенно же, когда нам наперёд, с обидною для нас важностью и высокопарностью педагога, говорят: слушайте! я хочу учить вас!...» (4, 440).

Можно, таким образом, предварительно констатировать, что В. Кюхельбекер-литератор, критик, поэт – занимал более диалектическую позицию в вопросе о гражданской оранжированности художественного творчества.

Интересна еще одна предромантическая тенденция – требование национальной самобытности культуры. Именно это становится идейной основой раннерусской романтической поэзии. В. Кюхельбекер и литераторы его круга видели залог успешности художественного произведения, его тем, сюжетов, образов в обращении к фольклору и летописной истории России: «Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности» (4, 458).

Требование национальности литературы шло у русских гражданских романтиков в паре с требованием ее народности. Объектами своих литературно-художественных опытов они делали легендарные народные образы, былинные

сюжеты, национальные мифы, придавая, тем самым, теме народа героико-эпический характер. Показателен в этом отношении пафос статьи О. М. Сомова, одного из культурных идеологов того времени: «Герои русские . утвердили славу отчизны на полях брани, мужи твёрдого духа ознаменовали её летописи доблестями гражданскими; пусть же певцы русские станут на чреде высоких певцов древности и времен позднейших заимствованными новыми красотами поэзии! Пусть в их песнях высоких отсвечиваются, как в чистом потоке, дух народа и свойства языка богатого и великолепного...» (6, 272).

Следующей идейной основой предромантизма явилось требование о создании цельной личности. Традиционный романтический герой — преимущественно оппозиционер, нонконформист, поддающийся сокрушительному сомнению сложившийся порядок вещей. Он — протестант зачинатель идейных бунтов, это ищущий, сомневающийся герой. Настаивая на необходимости преобразования мира, он в то же время не знает, возможно ли это. Герой-романтик одновременно эгоцентричен и гиперсоциален. Как отмечает Л. Гинзбург: «Основное противоречие романтического сознания в том, что с одной стороны это сознание индивидуалистическое и в то же время прикованное к сверхличным ценностям» (2, 76).

Русские гражданские романтики выступили с собственной, отличной от западной, версией романтического героя. В своей творческой практике они пытались воплотить образ героического альтруиста, борца за идеалы общественного добра и справедливости. На место духовной и психологической расколотости романтического сознания они подставляли цельность и преданность идеалу, готовность осуществить его в действительности.

Концепция «цельной личности» включала в себя ее просвещенность и открытость миру. В художественной литературе этого периода образ «цельной личности» наиболее последовательно воспроизводился Пниным и Востоковым.

Столь же часто она возникала в литературно-критических работах и письмах, посвященных назначению поэта и поэзии: «Да будет же перо в руках писателя то, что скипетр в руках царя: твёрд, благороден, величествен. Перо пишет, что начертается на сердцах современников и потомства. Им писатель сражается с

невежеством наглым, с пороком могущим, и сильных земли призывает из безмолвных гробов на суд потомства...» (6, 154). Как видим из цитаты, миссия поэта дается здесь в высоком романтическом преломлении. Поэт - гуманистический пророк. Он действует на умы, на души, на сердца людей: Он обязан вселять в них огонь равнодушия и любви. Поэт должен говорить правду и только правду. У него высокое предназначение. Поэт избран богом выполнять функцию лекаря душ, врачевателя людских сердец, просветителя. «Пробудить, вдохнуть, воспламенить страсти благородные, чувства высокие, любовь к вере и отечеству, к истине и добродетели – вот, Что нужно в такое время, когда благороднейшими свойствами души жертвуют эгоизму, или так называемому свету ума, когда холодный ум сей опустошает сердце, а низость духа подавляет в нем все, что возвышает бытие человека... Пусть он (поэт) пишет не для человека, но для человечества...» (6, 156).

Таков в общих чертах контекст, предваривший появление В. Кюхельбекера и его ближайших единомышленников на общественно-литературной арене России. Подчиняясь этому контексту, В. Кюхельбекер одновременно во многом с ним расходился. Будучи человеком несомненного эстетического чутья, он не разделял прямолинейности многих предшественников и современников в определении целей и задач искусства. Это – главное достоинство В. Кюхельбекера-литератора и критика, которое практически не учитывалось в советском литературоведении и по инерции продолжает не особо учитываться по сей день. Установить же не только то, что связывало В. Кюхельбекера с умонастроениями его эпохи, а и то, что выделяло его из общего ряда ее идейных пастырей и вождей, на наш взгляд, представляет наибольший интерес.

Литература

1. Архипова А. В. О русском предромантизме. /Русская литература. - 1978. №1.- с. 14-26.
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. - Л., Сов. пис, 1974.
3. Их вечен с вольностью союз. Литературная критика и публицистика декабристов. - М.: Современник, 1983.
4. Кюхельбекер В. Путешествие. Дневник. Статьи. - М: Высшая школа, 1976.

5. Лотман Ю. О русской литературе (Статьи и исследования 1958— 1993). СПб.: Искусство - СПб, 1997.
6. Литературно-критические работы декабристов. - М.: Худож. лит., 1978.
7. Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3-х т. -М., Л., 1938.
8. Рылеев К. Ф. Избранное. - М.: Худож. лит., 1980.